

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

**«ПОД ОТЕЧЕСТВЕННЫМ НЕБОМ СТРАНСТВУЮ
С МИРНОЙ ДУШОЮ»: ОБРАЗ УКРАИНЫ В РУССКИХ
ТРАВЕЛОГАХ НАЧАЛА XIX В.**

(В.В. ИЗМАЙЛОВ, П.И. ШАЛИКОВ, А.И. ЛЕВШИН)*

Статья посвящена культурно-историческим и художественным доминантам в российской рецепции Украины начала XIX в. Материалом анализа являются литературные путешествия В.В. Измайлова («Путешествие в полуденную Россию», 1800–1802), П.И. Шаликова («Путешествие в Малороссию», 1803) и А.И. Левшина («Письма из Малороссии», 1816). Образ Украины в их травелогах объединил в себе природно-географический, этнографический и исторический компоненты: роскошную природу, идиллический, еще полумладенческий народ с древним, но обветшавшим прошлым и мысль о прогрессе под эгидой Российской империи. Этот образ оказал глубочайшее влияние на восприятие Малороссии имперской публикой и выступил ориентиром для самоидентификации ассимилированных украинцев александровской эпохи.

Ключевые слова: Украина, русская литература, травелог, В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, А.И. Левшин.

В начале XIX в. вышли в свет три произведения, в основу которых легли описания путешествий на Украину. Фактически в 1800–1810-е гг. таких травелогов было больше, однако одни оказались опубликованы значительно позднее («Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда» (1810) и «Путешествие в Киев» (1817) И.М. Долгорукого [1, 2]), другие включали украинские впечатления в небольшом объеме («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (1803) П.И. Сумарокова [3]; «Путешествие... в Киев и по другим российским городам» (1804) митрополита Платона [4]; «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (1810) Д.Н. Бантыш-Каменского [5]; «Записки русского путешественника» (1823) А.Г. Глаголева [6]). Решающее влияние на формирование образа современной Малороссии в имперской словесности оказали тем самым литературные путешествия В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и более поздние записки

* Статья подготовлена при поддержке Фонда академика Д.И. Менделеева Томского государственного университета (проект № 8.1.96.2015).

А.И. Левшина. «Путешествие в полуденную Россию в 1799 году» В.В. Измайлова было издано в 1800–1802 гг. [7], в 1805 г. появилось второе издание, претерпевшее некоторые изменения вследствие авторской переработки (см. анализ двух редакций и реконструкцию творческой истории «Путешествия» [8]). Почти одновременно П.И. Шаликов опубликовал «Путешествие в Малороссию» (1803) [9] и «Другое путешествие в Малороссию» (1804) [10], первоначально печатавшиеся отдельными фрагментами в его журнале «Аглая». «Письма из Малороссии» А.И. Левшина, подведшие своеобразный итог этой традиции, были изданы в Харькове в 1816 г. [11].

Столь большая популярность Украины среди путешественников обуславливалась комплексом культурно-исторических причин. Завершившиеся екатерининские реформы превратили Малороссию из экзотической полувоенной окраины в интегрированную часть страны, нуждавшуюся, дабы быть полноценно включенной в имперскую культуру, в освоении и описании. Высочайший образец подобного путешествия показал инспекторский вояж Екатерины II по южным провинциям в 1787 г. Финальной точкой его маршрута являлись Новороссия и Крым, заменившие в культурно-политическом сознании конца XVIII в. Грецию.

Образ Украины – «новой Греции» и «славянской Авзонии», заявленный еще И.Г. Гердером, также не был чужд имперской идеологии, достаточно вспомнить об инициаторе «греческого проекта» малороссе А.А. Безбородко, напомнившем, опираясь на «Синописис», о роли Киева в преемственности между Византией и Москвой [12, 13]. Слившись с проектом новороссийским, греческий проект выступил аллюзионной основой «Энеиды» И.П. Котляревского и позднее отозвался в разысканиях В.В. Капниста о «гипербореях» и черноморской привязке странствий Одиссея [14, 15]. Сравнениями Украины с Грецией были богаты и путешествия: «Что была Аркадия, по описанию поэтов, в Греции, – замечал, например, П.И. Шаликов, – то или почти то Полтава в Украине...» (цит. по изд.: [16. С. 549]).

Наконец, растущий интерес к национальной истории сделал Малороссию воплощением древности, пространством летописно-фольклорных исторических памятников. Дополнительный импульс тому придали разделы Речи Посполитой 1792 и 1795 гг., поставившие вопрос об исторической легитимности имперских приобретений (Правобережная Украина) как прежней части Киевской Руси. Эта историко-политическая установка отозвалась уже в первых малороссий-

ских фрагментах В.В. Измайлова, где упоминалось и древнее прошлое, и отторжение части киевских земель соседями: «Я ступил ногою на ту землю, которая была театром великих происшествий в истории нашей, добычею соседних держав и отечеством самых миролюбивых людей» [7. Ч. 1. С. 51–52].

Еще одну, более общую причину популярности малороссийских путешествий, типологически связанную с культурой Просвещения, выделил А.П. Толочко. Он указал на воспитательно-образовательную роль «южных» европейских туров (Италия, Греция), обязательных для молодого аристократа и называвшихся в английской традиции «the Grand Tour». В эпоху революций и войн рубежа XVIII–XIX вв. часть этого культурного пространства стала неудобной для посещения, что подвигло искать те или иные аналоги античного мира. Для русской культуры «своей Античностью» явилась Киевская Русь, территориально связанная с Украиной.

На Південь росіяни подорожують так, як британці подорожували б до Італії. «Путешествие в Малороссию» є свого роду аналогом англійського Великого континентального туру. Не даремно Малоросія постає зі сторінок записок як «російська Італія», топос, який виявиться не тільки надзвичайно продуктивним, але й напрочуд живучим в літературі XIX ст. Ця аналогія ще до поїздки встановлює «горизонт очікувань»: вирушаючи на південь, мандрівник розраховує знайти витoki власної історії, яка колись давно точилася на тих землях, але віддавна вже полишила південний край і перемістилася на північ, полишивши по собі тільки живописні руїни серед мальовничого пейзажу... [17. С. 280]¹.

Открытием ее для широкой имперской публики стали путешествия В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и А.И. Левшина, соединившие облик современной Малороссии с контекстом древней истории.

Все они принадлежали традиции сентиментализма с его уходом от классицистической прямолинейности, культом природы и чувств. Вместе с тем жанровые² установки авторов существенно различались. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова (в его окончательной редакции) и «Письма из Малороссии» А.И. Левшина принадлежали к просветительскому варианту сентиментального путешествия, два «Путешествия» П.И. Шаликова были доведенным до абсолю-

¹ На русском языке разделы этой книги, написанные А.П. Толочко, см. в изд.: [18].

та образцом путешествия чувств и впечатлений. Отсюда и содержательные отличия. В.В. Измайлов и А.И. Левшин посвятили большую часть внимания описанию региона, сопровождавшемуся пейзажно-топографическим, этнографическим и историческим комментарием. Совсем по-иному расставлял приоритеты П.И. Шаликов, в путешествии которого исторический компонент – за исключением нескольких эпизодов – фактически отсутствовал. Так, дважды возникал образ Петра I: первый раз в связи с проездом по местам Полтавского сражения, второй раз во время пребывания в окрестностях Новороссийска и созерцания крепости на берегу Днепра, возведенной по приказу императора в период войны с Портой. Воспоминание об «обожаемой» монархине Екатерине Великой было связано с остановкой путешественника в Екатеринин-даре и служит, главным образом, источником сердечных излияний автора по поводу величия и добродетели императрицы («Ах! имя Екатерины, столь драгоценное везде и всякому, могли ли не трогать здесь и благодетельствованных ею!.. Я также тронут был до глубины души моей...» [16. С. 564]). Кроме того, упоминался граф П.А. Румянцев, хотя и здесь автор ограничился констатацией счастливого бытия Малороссии в годы его правления.

Современность также была передана крайне условно, что автор и не пытался скрыть, провозглашая в самом начале: «В сем путешествии нет ни статистических, ни географических описаний: одни впечатления путешественника описаны в нем...» [16. С. 516]. Природно-человеческий мир Малороссии служил лишь фоном, декорацией для проявления чувств. Это, в свою очередь, увеличивало условность при подаче материала, не случайно большую часть текста путешествия занимали «мечтания», эмоциональные излияния, пространственные размышления.

Подобное освещение предмета вызвало ироническую реакцию у журнальных критиков. Так, например, П.И. Макаров осуждал автора «Путешествия в Малороссию» за пренебрежение к действительному облику описываемого и замечал, что «всякая картина требует теней» [19]¹. Не менее иронически об отсутствии реального содержания высказался В.А. Жуковский: «Я читал, повторяю, путешествие г. Шаликова с удовольствием и взял перо не с тем, чтобы написать на него критику, а желая единственно сказать, что я... читал его» [21. С. 11]. Сосредоточенность только на эмоциях, по мнению критика, делала вторичным породивший их источник; чтобы написать такое путеше-

¹ См. подробнее о критике П.И. Макарова [20].

ствие, можно было никуда не выезжать: «Иной, прочитав эту статью, скажет самому себе: *поеду в Малороссию; там такие прекрасные вечера! Ах! если б скорее пришло лето!* Но я скажу ему на ухо: не езди в Малороссию для одних летних прекрасных вечеров; они и здесь, в Москве, прекрасны» [21. С. 11–12].

Тем не менее уникальный в своем роде травелог П.И. Шаликова не случайно был связан с Украиной. Для массовой имперской публики, знакомой с Малороссией в основном по историко-мифологическим источникам, этот край вполне допускал условное описание, лишь придававшее большую эмоциональную убедительность полусказочному пространству. Подобная абстрактность хорошо согласовалась и с канонами сентиментального путешествия. Так, В.В. Измайлов первый вариант своего травелога, изданный в 1800 г., строил по синкретичной жанровой модели с равновеликостью лично-эмоционального и просветительского начал и только в варианте 1805 г. удалил «фрагменты назойливо сентиментального характера, ряд цитат и отсылок, ассоциаций с поиском Путешественником личного счастья <...> наполнение мелкими деталями, касающимися жизни повествователя» [22. С. 17].

В целом, однако, «Путешествие» В.В. Измайлова и «Письма» А.И. Левшина включали несколько аспектов: описание современного состояния Малороссии, экскурс в историю, отражение мыслей и чувств по поводу увиденного и услышанного. Это проявлялось уже в названиях глав, которые давались по пространственному принципу («Серпухов», «Сумы», «Слобода Баромля», «Киев» и пр. у В.В. Измайлова; «Полтава», «Решетиловка», «Хорол», «Переяславль» у А.И. Левшина), в то время как у П.И. Шаликова они в основном отражали эмоциональные состояния или те события внешней жизни, которые каким-либо образом их вызвали («Рассуждение», «Сладкие воспоминания», «Неприятность», «Встреча» и т.д.). Травелоги В.В. Измайлова и А.И. Левшина содержали подробную информацию о состоянии малороссийских городов и деревень с описаниями улиц, архитектуры, замечаниями о жителях, их нравах и занятиях. Помимо храмов, монастырей путешественники проявляли интерес к заводам, мастерским, учебным заведениям и другим свидетельствам экономической или культурной жизни. Особую ценность для них имели места, связанные с теми или иными историческими событиями древнего или имперского прошлого Украины, а также культурные памятники. В совокупности эти тексты позволяли читателю увидеть Малороссию с разных сторон, отличаясь вместе с тем содержательной близостью, объясняемой рядом причин.

Во-первых, при различии маршрутов путешествия подробному описанию подвергались, в сущности, одни и те же топосы. Это было связано с уже сложившимся в имперской культурной практике горизонтом ожидания, определяемым исторической парадигмой. К числу важнейших относились места, получившие подробное описание в древнерусских летописях, географические пункты, связанные с крупнейшими историческими событиями имперского периода (в первую очередь это Полтава), а также средоточия христианских святынь (Софийский собор, Киево-Печерская лавра, Успенский собор и пр.). Они, соответственно, определяли три тематических пласта повествования: древняя история – средоточия имперской славы – предметы религиозного паломничества.

Вторая причина содержательной близости травелогов – презумпция единства Украины и России. Как справедливо констатировал А.И. Миллер, «отношение к малороссам как части русского народа сохранялось как официальная позиция властей и как убеждение большинства образованных русских в течение всего XIX века», не требуя «объяснений и доказательств» [23. С. 38]. Это определяло основной ракурс репрезентации, в рамках которого Украина мыслилась прародиной Российского государства, а Киев становился «матерью городов русских». Между двумя культурно-историческими пространствами устанавливалась нерасторжимая генетическая связь:

Вот колыбель отечества нашего! – начинал свои письма А.И. Левшин. – Вот земля, которая была поприщем громких подвигов древних предков наших! Вот страна, в которой Россия приняла вид благоустроенной державы, озарилась лучами христианства, прославилась мужеством сынов своих, осветилась зарею просвещения и начала быстрый полет свой... [11. С. 1].

В схожем духе открывал малороссийскую часть травелога В.В. Измайлов, соединяя древнее прошлое Киевской Руси и идиллическое состояние современной Малороссии:

Я ступил ногою на ту землю, которая была театром великих происшествий в истории нашей <...>. Сей прекрасный климат, сия прекрасная земля, сей народ, ее населяющий, достойны были покоиться под тенью вечного мира, которым они наслаждаются, наконец, под Российской державою [7. Ч. 1. С. 51–52].

Для жанра путешествия, в принципе, характерна определенная драматизация вхождения в чужое пространство. При этом путнику,

покидающему родные земли, как правило, сложно преодолеть не столько внешние границы, сколько рубежи культурно-психологические, ведь он оставляет родное и понятное ему позади, а впереди лежит неизведанное и, возможно, враждебное. У путешественников в Малороссию подобных опасений не возникало принципиально. В сознании рассказчиков Россия и Украина представлялись чрезвычайно близкими – вплоть до полного отождествления, уничтожавшего границу между «своим» и «чужим»: «Под отечественным небом странствую с мирною душою» – с этими словами отправлялся в достаточно долгое и утомительное украинско-крымское путешествие В.В. Измайлов [7. Ч. 1. С. 5]; «Грустно, очень грустно! Но я еду не за моря, не на целые годы...» – подумал я и ободрился» – так утешал себя рассказчик П.И. Шаликова, воспринимая малороссийский вояж не более как каникулы в отдаленном поместье [16. С. 518]. Отдельные топосы также с легкостью приобретали статус русских, например, у А.И. Левшина: «Нигде, может быть, в *России* нет так много жидов, как в *Киеве*» (курсив наш. – В.К., Т.В.) [11. С. 185]. Чувство узнаваемости и близости не оставляло путешественников почти никогда, позволяя ощущать себя на Украине как в родном доме, подобно шаликовскому путешественнику, слушавшему хор певчих в сельской церкви и представлявшему, будто он очутился «у Никиты Мученика в Москве» [16. С. 537]. Более того, повествователь сам родом из Малороссии, где прошли его детство и юность:

Милая, бесценная Малороссия! под твоим кротким, ясным небом питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; с твоим благодетельным воздухом вливалась в грудь мою чувствительность и страсти <...>; твоя прекрасная природа воспламенила воображение мое, научила любить Природу [16. С. 526].

Презумпция единства определяла «этнографический» компонент травелогов, вполне укладывавшийся в каноны «народа поющего и пляшущего». Фоном его выступало природно-ландшафтное окружение, рисовавшееся эстетически прекрасным, гармоничным, существующим в полном согласии с человеком, ее созерцание вызывало у повествователя либо умилительные, либо возвышенные ощущения. «Украина, по справедливому замечанию М.И. Назаренко, объявляется воплощением южной роскоши и неги, в честь чего и зовется если не Италией России, то Аркадией» [24. С. 161]. Наиболее зримо идеализация малороссийской природы проявила себя у П.И. Шаликова, который во всех случаях «делает сравнения только в ее пользу

и тщательно избегает чего-либо принижающего» [25. С. 93]. В его изображении она воплощает собой образец идиллического пейзажа, мало изменяющегося в разных главах:

...здесь, в счастливой Малороссии <...> вам кажется, что апрель снес для вас с собою все небесные наслаждения: воздух, птички, зелень, ручейки, цветочки – все нечаянно, вдруг пленит чувства ваши; <...> радуетесь, восхищаетесь, не думаете ни о чем, кроме наслаждения, и хотите вечно жить в тенистом, смиренном хуторе подле Киева [16. С. 528].

Характеристики других путешественников были гораздо разнообразнее и позволяли ознакомиться не только с общим обликом украинской природы, но и с ее топографическими вариантами (различие Черниговской и Полтавской губерний у А.И. Левшина [11. С. 143–148, 192–206]), однако и в них доминировала мысль о гармоничности, естественности, определявшая, в представлениях эпохи Просвещения, образ жизни и нрав народа. Последовательнее всего ее выразил А.И. Левшин:

...изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли и счастливый климат Малороссии делают жителей здешних веселыми и склонными к забавам. Сими свойствами они бы могли назвать себя счастливыми, ежели бы большая часть их была попечительнее и пользовалась Творцом дарованными сокровищами. <...> Благорастворенный воздух и плодородные земли давали бы жителям здешним право называться любимыми детьми природы, ежели бы она многих из них не лишила нужнейшей к благосостоянию человека добродетели – трудолюбия, а чрез то – и средств быть богатыми [11. С. 69–70].

Для имперских путешественников черты «естественности», по сути, заменяли этнографическую составляющую, предлагая видеть украинцев лишь как более простой и близкий к природе вариант русских. «Оставим различные состояния людей, – писал тот же А.И. Левшин, – забудем отличия, производящие между ими неравенство, обратимся к человеку вообще. Согласимся с Руссо в том, что он одинаков во всех обществах и что, следовательно, большего уважения нашего заслуживают многочисленнейшие из них (т.е. крестьяне. – В.К., Т.В.)» [11. С. 65]. Левшинское описание национального характера сводилось к набору нравственных характеристик, присущих крестьянству, с которым и отождествляется современный, но все же патриархальный облик Малороссии. Среди этих черт – «благоговение

к религии», «любовь к отчизне и <...> славе предков своих», желание сражаться «за веру и государя», «честность», «семейственное согласие», «целомудрие» и др. Особую статью составляли проявления естественности: «чувствуя любовь, малороссияне не скрывают ее и не томятся», их примета – «веселость и склонность к забавам», однако другая сторона баловней природы – недостаток трудолюбия, суеверия и предрассудки и в том числе – дикарское недоверие к «москалям» [11. С. 65–77]. В путешествиях В.В. Измайлова и П.И. Шаликова отрицательные черты национального характера вообще не замечались, результатом чего становилась откровенная идеализация: «Малороссияне <...> любят отечество и его славу <...>. Взаимная любовь производит в их домашнем хозяйстве лучшую гармонию и порядок <...>. Женщины добры, смиренны и чадолюбивы. <...> Законы супружества соблюдаются свято <...>. Вкус малороссиян есть вкус изящного <...>» [7. Ч. 1. С. 85–90].

Возвышению образа Украины способствовала специфика повествования, построенного на чередовании описательных и лирико-медитативных элементов: едва ли не каждый эпизод сопровождался эмоциональным излиянием или поэтическим размышлением, часто в стихотворной форме. Так, П.И. Шаликов обильно прославлял прозаический текст цитатами из французской и русской поэзии (Ф. Кино (Кинольт), Ж. Делиля, Н.М. Карамзина и др.), включал в него свои стихи – песни, эпитафии, элегии и мадригалы. А.И. Левшин регулярно цитировал Горация и Вергилия, Г.Р. Державина и М.М. Хераскова.

Еще одним источником идеализации выступал набор устойчивых сюжетов и образов сентиментального путешествия (см. о нем [26, 27, 28, 29, 30]). Это ситуация расставания с родными краями и связанный с ним мотив грусти о близких и друзьях, открывающий травелог и время от времени возникающий в связи с какими-либо происшествиями. Родственность Малороссии снимала остроту переживаний, однако не отменяла их полностью: «Ничего нет тяжелее слова прости, когда надобно сказать его любезным сердцу нашему...» [16. С. 517].

Мотиву расставания противопоставлено ожидание свежих впечатлений, в первую очередь знакомств. В малороссийских травелогах они, как правило, попадали в разряд приятных: неожиданные встречи с друзьями (П*, А* у П.И. Шаликова, К-ев у А.И. Левшина) и просто чем-либо примечательными людьми, общение со многими из которых вызывало умиление. Это мог быть старый воин, в прошлом честно служивший своему отечеству, ныне – инвалид, живущий воспоминаниями о прошлых победах. Образ солдата, прошедшего несколько

кампаний в немецкой земле и Нидерландах, появлялся на страницах «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, этот персонаж мы находим, например, у А.И. Левшина: «Сегодня поутру видел я древнего козака Малороссийского; сего дня поутру говорил я с почтенным 96-летним воином. Величественная его осанка и умное лицо суть остатки силы и молодости, во дни которой сражался он; а слова его – отголосок пламенной любви к отечеству» [11. С. 30].

Устойчивый тип сентиментального травелога – благотворитель, замечательный в своем бескорыстии и стремлении помочь людям. Его мы встречаем, в частности, у П.И. Шаликова – доктор, безденежно помогающий бедным в главе «Редкое бескорыстие». Не менее распространённые образы – благообразный нищий, которому путешественник дает милостыню и проникается трогательными чувствами (глава «Веприк» у В.В. Измайлова, «Горестный образ» у П.И. Шаликова); крестьянин-философ, сторонник гораццианской умеренности и простоты (глава «Сумы» у В.В. Измайлова; «Яков-садовник» у П.И. Шаликова); местный ученый, чьи труды посвящены благу родного края (образы М.Ф. Берлинского и П.С. Палласа у В.В. Измайлова; П.В. Пустошин и Я.И. Благодаров у А.И. Левшина) и т.п.

Непременной принадлежностью травелога выступало посещение счастливого семейства – дворянского или крестьянского. Последнему, как правило, предшествовало какое-либо удручающее событие: внезапно разыгравшаяся непогода, гроза, поломка транспортного средства и т.д. Так путешественник по воле случая оказывается в кругу незнакомых, но приятных лиц, наблюдая семейную гармонию, идиллические отношения между супругами, детьми, уважение к старшим. Рассказчик В.В. Измайлова попадает в счастливую молодую семью, представляющую идеал тихого семейного счастья и трепетной любви. Отношения молодых так трогают сердце путешественника, что он невольно начинает мечтать о тихом семейном очаге («Липовая долина»). Рассказчик А.И. Левшина, повествуя о «скучнейшем» местечке – Новозыбкове, замечает, что его скуку скрасило прекрасное знакомство с приятным семейством П. И. Д...ва и далее описывает прелести проведенного в их кругу времени. Травелог П.И. Шаликова изобилует сюжетами подобного рода. Это и посещение дома любимого друга А*, именуемого автором «Аркадией», «полями Елисейскими» (глава «Друг»), и прекрасного сельского дома, «убранного руками граций» помещика Б** («Любимец фортуны»), и семьи почтенного старца, окруженного любящими внуками («Усыновление»).

Не избегали авторы и сюжетов романтического характера: это могла быть встреча с утонченной чувствительной дамой, рассказывавшей о драматических перипетиях своей судьбы («Слобода Баромля» у В.В. Измайлова, «Торжество невинности» П.И. Шаликова), свидание с прекрасной крестьянкой, будившей у путешественника сладкие чувства («Кофе» П.И. Шаликова), услышанное и пересказанное автором предание о высокой и чистой любви, окончившейся воссоединением двух любящих сердец или, напротив, трагично оборвавшейся жизнью одного из влюбленных, и т.д. Наконец народные традиции лучше всего раскрывались через описания путешествующими игрищ, забав, примет: «Здесь сохраняется древнее обыкновение праздновать окончание жатвы – остаток времен языческого богослужения...» [16. С. 557]; «На что это?» – спросил я у первого попавшего мне малороссиянина, увидя белые платки, привязанные ко крестам, поставленным на могилах. «Для того, – отвечал он, – чтобы мертвый по восстании своем мог оным утереться» [11. С. 12–13].

Насыщенность стереотипными элементами, усиливающими идиллический колорит, не отменяла, однако, познавательной направленности, которую у В.В. Измайлова и А.И. Левшина определял в первую очередь исторический материал. Тем не менее их путешествия не были «учеными» и не преследовали цели археологические. Напротив, авторы верили в поэтическую память, хранящую историю вне зависимости наличия или отсутствия достоверных свидетельств. Мерилом истинности выступал, скорее, содержащийся в том или ином сюжете эмоциональный заряд. Ради него можно пожертвовать самой исторической подлинностью. Путешественники были нацелены на «оживление» истории, освежение ее воздействия на читателя. Несоблюдение строгих границ между преданием и знанием, по мнению А. Шенле, было сознательной установкой: «Отказываясь отделить историографию от легенд, он (В.В. Измайлов. – *В.К., Т.В.*) отмечает и жесткое противопоставление ума как «орудия истины» «обманчивому» воображению – дихотомии, энергично поддерживающуюся историками-просветителями» [25. С. 112]. Этим объясняется частое упоминание в текстах В.В. Измайлова и А.И. Левшина легендарных исторических персонажей и углубление в этимологию названий, пересказ разнообразных преданий. Тем самым образ Киевской Руси, создававшийся на страницах путешествия, был очень близок историко-мифологическому образу героических повестей, баллад или поэм рубежа XVIII–XIX вв. Главное же его отличие состояло в повествова-

тельном подходе: если повесть не нуждалась в привязке к реальным артефактам, то в травелоге поводом для исторического сюжета становился определенный объект – курган, город, храм, крепость, будившие фантазию путешественника.

Выразительным примером подобного визионерского повествования, населяющим панораму историческими фантомами, может служить описание В.В. Измайловым киевской церкви святого Василия:

Вот церковь святого Василия. На сем месте стоял дом князя Владимира.<...> Не в сем ли же самом владимировом жилище было покушение на жизнь его и самое трогательное приключение? Рогнеда, распаленная мщением, захотела некогда, чтобы объятия любви и наслаждения превратились для ее супруга в объятия смерти. Женщина вознесла убийственную руку на своего любимца и в то самое время, когда он покоился в сладком сне на груди ея; но – Владимир просыпается в сию самую минуту. Вообразите его пробуждение. <...> Живописцы, поэты и ты, певец Владимира! простите, что я осмелился изобразить слабою кистию сие происшествие [7. Ч. 1. С. 146, 148, 152].

Дабы оживить повествование, путешественник здесь прибегает к историческому сюжету, отсылающему не столько к летописным источникам, сколько к искусству XVIII в. – к «Идеям для живописных картин из русской истории» М.В. Ломоносова, к картине А.П. Лосенко «Владимир перед Рогнедою» (1770), к поэме М.М. Хераскова «Владимир возрожденный» (1785). При этом церковь святого Василия, ставшая поводом рассказа, отодвигается на дальний план повествования, что превращает ее для читателя в предмет едва ли не воображаемый, тогда как историческая фантазия обретает пластическую убедительность.

Не чужд был подобного подхода и А.И. Левшин, как в описании дороги на Киев:

Оставалось 19 верст. Это час езды, думал я, и перенесясь воображением в прежнюю столицу отечества нашего, мысленно осматривал достопримечательности ея; любовался местоположением; с почтением взирал на памятники древности; вспоминал воинственных предков наших, которые на борзых конях, с булатными мечами, в блестящих панцирях и шлемах являлись сюда на защиту отечества; внимал, казалось, словам громогласного Бояна, который носился соловьем по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками [11. С. 86–87].

В целом, однако, историко-поэтических картин в его «Письмах» было гораздо меньше, даже процитированный фрагмент он снабдил примечанием, вносящим элемент академизма: «Так выражается сочинитель песни о походе Игоря на половцев» [11. С. 87]. Материалы для исторического комментария А.И. Левшин заимствовал в первую очередь из книжных источников – из «Повести временных лет», «Степенной книги» и историографических трудов XVIII в. (от Вольтера до В.Н. Татищева), ссылками на которые пестрели страницы его труда¹. Беллетристический образ Киевской Руси, допускавший оживотворение и игру воображения, и контекст письменных свидетельств составляли в его путешествии два параллельных плана, характерную черту украинофильства уже более позднего периода конца 1810-х – 1820-х гг.

Репертуар древнерусских сюжетов и образов отличался в травелогах устойчивостью и был привязан к топографии. У В.В. Измайлова этот тематический план начинался с Киева, по дороге к которому путешественник погружался в исторические мечтания и воскрешал образы легендарной эпохи:

Мрачные сосны, возносящиеся к облакам, опирались вековыми корнями на сыпучий белый песок; святая древность цвела на их кудрявых вершинах <...>. Я видел тут разительный образ того времени, когда Киевское княжество стеноло под игом чуждых народов, когда гремели цепи, наложенные рукою победителя, и гибельное варварство производило явления, одне других ужаснейшие. Оне мечтались мне [7. Ч. 1. С. 93].

В самом Киеве поводом для них становилось посещение Успенского (образ князя Георгия) и Софийского соборов (князь Ярослав, «победитель печенегов»), Десятинной церкви (князь Владимир), церкви Андрея Первозванного и святого Василия (сюжет Рогнеды), Андреевской горы (Кий, Щек и Хорив). Переславль вызвал в памяти рассказчика образы Бориса и Глеба, город Борислав заставил вспомнить князя Святослава.

¹ Ср., например, ссылку к описанию цветущей торговли Киева в IX в.: «Синописис, Fishers Geschichte des Deutschen Handels, Татищева История, Малороссийский летописец, Известия Византийских историков и Дитмар. Также описание Российской Коммерции Чулкова» [11. С. 95]. Подразумеваются: Киевский Синописис (1674); «Geschichte des Deutschen Handels» (1791) Ф.К.Д. Фишера; первый том «Истории Российской с самых древнейших времен» (изд. 1768) В.Н. Татищева; «Летописец Малой России» Г. Грабянки, опубликованный Ф.О. Туманским в «Российском магазине» (1791); первый том «Исторического описания российской коммерции» М.Д. Чулкова (1780).

«Письма» А.И. Левшина значительно расширяли измайловскую канву, оставляя основные ее элементы неизменными. Его «древнерусский текст» начинался с Хорола, «древней границы Русской» [11. С. 15], продолжался Лубной, где «в 1107 году (следуя Нестору) <...> россияне одержали славную победу над половцами» [11. С. 22], Переяславлем (битва при Альте, этимология названия), Киевом (версии основания города, комплекс сюжетов, связанных с храмами), Черниговым (легенды об основании, единоборство Мстислава и Редеди) и заканчивался Городней и Новгород-Северским (борьба с половцами).

Тем самым центром исторических реминисценций путешественников закономерно выступали Киев и фигура Владимира Святославича, а основной фон составляли события войн со степью, основания городов и храмов. В содержательном плане они укладывались в концепцию неотвратимого движения времени, уносящего страны и народы, но не могущего отменить постепенного совершенствования человеческой жизни, ее прогресса, связанного, в случае Малороссии, с возвращением в лоно единой Российской империи. Историософское обоснование тому предложил В.В. Измайлов:

Мнения переменяются; человек исчезает; но род человеческий возрастает в целом, переживает заблуждения и цветет среди разрушений царств и народов. Из сего следует, что философический дух нашего времени требует, чтобы наблюдатель означил шаг народа в ходе всемирного ума [7. Ч. 1. С. 196–197].

В травелоге А.И. Левшина просветительно-нравоучительное видение прогресса обогатилось интересом к местному колориту, стремлением увидеть характерные черты народа, позволявшим объяснить некоторые отличия украинцев и великороссов:

Пробежав бытописания Малороссии, которая несколько веков составляла воинственное и независимое от России государство, которой первобытные жители смешались с черкесами, татарами, поляками и, может быть, со многими другими неизвестными для нас народами; которая долго не имела других законов, кроме законов, человеку врожденных, других занятий, кроме войны, других постановлений, кроме свободы, равенства, простой и дружественной жизни козаков, сделавшихся страшными для всех соседственных держав; пробежав, говорю, историю Малороссии, бывшей независимою, и рассмотрев состояние ее под игом Польши и под владычеством России, мы удобно открываем причину, производящую различие и доставляющую

жителям здешним некоторые преимущества, ценою предков купленные [11. С. 58–59].

«Естественное» состояние малороссиян имело, как констатировали путешественники, грань воинственную и идиллическую. Первая, воплотившаяся в казачестве, и в первую очередь Запорожской Сечи, выступала скорее препятствием для приобщения к истинному прогрессу и вела, по мнению В.В. Измайлова, к анархии и падению казачьей республики, зато вторая требовала культивации и выступала залогом приобщения к успехам «всемирного ума». Подобные черты культурного роста Малороссии внимательно отмечали авторы травелогов, сетуя лишь на его медленный ход:

Заклучим: киевские жители прикасаются еще только к развитию всех нравственных способностей, которое составляет человека в высочайшем смысле сего слова <...>. Между тем, по необходимому закону вещей, нравы и народы сближаются. Киевские жители заимствуют <...> новые обычаи и мнения [7. Ч. 1. С. 210–211].

Главным источником прогресса выступала, тем самым, русская культура. В историческом плане это означало редуцирование «темных» времен литовско-польского владычества, отлучивших украинцев от движения цивилизации, и подчеркивание благой роли России после воссоединения. Закономерно, что в малороссийских травелогах очень велик пласт имперской истории и чрезвычайно мало упоминаний об эпохе XIII–XVI вв., хотя тот же В.В. Измайлов много беседовал с М.Ф. Берлинским, знатоком украинской древности, и читал его краеведческий труд о Киеве. У П.И. Шаликова этот контекст отсутствовал полностью; у В.В. Измайлова он сводился к двум фрагментам, где упоминались Запорожская сечь и ее судьба («Там жили козаки, как новые Мальтийские рыцари, не имея жен и воюя против неверных; оттуда посылали они поражать неприятеля; там от руки их погибли миллионы жертв; но победоносное оружие России нашло их в глубине сечи, и варварство покорилось перед героизмом» [7. Ч. 1. С. 268–269], см. также [7. Ч. 3. С. 13–21]), и панегирику Северину Наливайко (?–1597) при посещении гробниц в Успенском соборе; А.И. Левшин также обошелся лишь обобщенными констатациями, касавшимися польского влияния на характер, язык и систему управления Украины («Малороссияне управляются собственными, от поляков принятыми законами, или, лучше сказать, Магдебургскими пра-

вами, которые король Казимир Ягеллович ввел в Малороссии <...>» [11. С. 60–61]).

В имперской истории региона абсолютный перевес также оставался за русским влиянием. Из местных политических деятелей упоминались только Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа, к которым А.И. Левшин добавил Данилу Апостола, чей портрет видел в Мгарском монастыре («Лубны»). Хмельницкий и Мазепа в травелогах, следующих за уже установившейся традицией (см. о ней [31, 32, 33, 34]), составляли контрастную оппозицию: первый представлял идеальным героем – победителем ненавистных поляков и освободителем Малороссии от их гнета, образ второго укладывался в канон гетмана-изменника, предавшего императора и желавшего отдать свою страну врагам. В.В. Измайлов и здесь обошелся без детализации, воздав славу Хмельницкому («Вот и тот славный Хмельницкий, который умел освободить своих соотечественников от ига Польши; ему обязана Малороссия своим спасением. Он достоин признательности народа <...>» [7. Ч. 1. С. 108]) и упомянув о черных замыслах Мазепы. В «Письмах» А.И. Левшина оба образа фигурировали неоднократно начиная с главы «Белоцерковка», где они оказываются ассоциативно связанными как образцы злодейства и чести:

Мы там, где несчастные Искра и Кочубей пали от удара свирепого Мазепы и где головы их, злодейской рукою палача отсеченные, скатились с них. <...> Малороссияне любят предков своих, любят славу их и чтут память тех козаков, которые храбро защищались и поражали поляков под предводительством Хмельницкого <...> [11. С. 14–15].

Показательно, что они парно появлялись в главе «Переславль», где говорилось о подписании договора между Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем – и вскоре сообщалось о евангелии, подаренном Мазепой местному собору, и в письме с описанием гробниц в Киево-Печерской лавре, в том числе могил Хмельницкого – и Кочубея с Искрой, жертв Мазепы. Два гетмана стали у А.И. Левшина символами народной памяти малороссов, чествующей героя, а вместе с ним единство с Россией и отвергающей предателя с его сепаратистскими замыслами.

Вершиной своей имперский контекст имел, безусловно, деяния российских императоров, которые не мог не упомянуть даже П.И. Шаликов, посвятивший единственный исторический фрагмент своего путешествия Полтаве. С Полтавского поля начал свой травелог

А.И. Левшин, а В.В. Измайлов им закончил малороссийскую часть. Сакральная фигура Петра I и особая роль Полтавской битвы в имперском историческом каноне придавали окончательную санкцию единству России и Украины, украшенному столь блестящей славой. Эти страницы травелогов отличаются наибольшей патетичностью. Так, посвящая несколько полтавских глав личности Петра Великого, В.В. Измайлов живописует ее в почти мистических красках, приравнивая деяния императора к божественным:

«<...> подобно благодетельному Богу или предвечному хранителю природы, воздвигал бури и громы для того, чтобы очистить атмосферу; чтобы ясные дни воссияли в нравственном мире <...>. Нигде не является так живо сам Бог в деле творения» [7. Ч. 1. С. 244–247].

Семантика творения нового мира легко переходила из сферы военной в область культуры и повседневной жизни. В описании путешественников российские императоры – Анна Иоанновна, Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина Великая, Александр I – представляли главными создателями современной Украины, обновившими одряхлевшее наследие Киевской Руси. Их имена связывались с широкой благоустроительной деятельностью, возведением церквей, восстановлением некогда разрушенных храмов, основанием новых городов (Екатеринин-дар), открытием учебных заведений (киевская гимназия) и т.п. «Наконец явился великий Петр – и Лавра Печерская возобновилась; протекло столетие – и несметные сокровища показались в ней» – восторженно писал А.И. Левшин [11. С. 102], перечисляя дары Анна Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, переданные Лавре. В.В. Измайлов еще более отчетливо сакрализовал деятельность высочайших особ, не случайно он подробно описывал украшенные фресками стены Успенского собора в Киеве, где выдающиеся фигуры российской истории находились в ближайшем соседстве с библейскими персонажами. Это вызвало у рассказчика восхищение «прекрасной мыслью» «поставить в храме Бога памятники великим людям!» [7. Ч. 1. С. 110]. Сама Малороссия, ее города и села, ее жители с глубокой благодарностью принимали монаршее попечение и трепетно хранили память о нем, как Новгород-Северск, где по распоряжению Екатерины II был обновлен Преображенский монастырь: «Следы Великой Екатерины, посетившей Новгород-Северский во время путешествия своего в полуденную Россию, долго не изгладятся. Храм сей долго будет возвещать кратковременное присутствие ее в

нем» [11. С. 108]. В травелоге В.В. Измайлова фоном для цивилизаторской деятельности империи на Украине выступали еще более масштабный Новороссийский проект и обустройство Крыма, сливавшиеся в единый образ «полуденной России», новой Греции, где древняя история соединится с современной просвещенностью.

Подводя итог идеологическому и художественному осмыслению региона в путешествиях начала XIX в., можно констатировать, что образ Украины объединил в себе географический, этнографический и исторический компоненты – роскошную природу, идиллический, еще полумладенческий народ с древним, но обветшавшим прошлым и мысль о прогрессе под эгидой империи. Этот образ и культурно-исторический контекст, на который он опирался, оказали глубочайшее влияние на восприятие Малороссии имперской публикой и выступили ориентиром для самоидентификации ассимилированных украинцев александровской эпохи.

Литература

1. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2, отд. 2. С. 1–170.
2. Долгорукий И.М. Дневник путешествия в Киев 1817 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1870. Кн. 2, отд. 2. С. 1–208.
3. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1
4. [Платон (Левшин П.Г.)] Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г. СПб., 1813.
5. Бантыш-Каменский Д.Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
6. Глаголев А.Г. Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 год. Ч. 1: Россия. Австрия. СПб., 1837.
7. Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию: В письмах, изданных Владимиром Измайловым: в 4 ч. М., 1800–1802.
8. Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011 (глава вторая «Творческая история текста “Путешествия”»).
9. Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию. М., 1803.
10. Шаликов П.И. Другое путешествие в Малороссию. М., 1804.
11. Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков: В университетской типографии, 1816.
12. Маркова О.П. О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 52–78.

13. Зорин А.Н. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 31–64.
14. Майофис М.Л. Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореанах» В.В. Капниста // Русская филология-8: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1997. С. 59–66.
15. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 384–390.
16. Шаликов П.И. Путешествие в Малороссию // Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / сост. В.И. Коровин. М.: Современник, 1990. С. 516–570.
17. Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. Київ: Наукова думка, 2004.
18. Толочко А.П. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ: Laurus, 2012.
19. Московский Меркурий. 1803. № 2. С. 122.
20. Деметтьева А.С. Литературная позиция журнала П.И. Макарова «Московский Меркурий» (1803): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
21. Жуковский В.А. О «Путешествии в Малороссию» // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 12: Эстетика и критика. М., 2012. С. 9–12.
22. Соловьев А.Ю. «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
23. Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). М.: Алетейя, 2000.
24. Назаренко М.И. Сокращенный рай: Украина между Гоголем и Шевченко // Новый мир. 2009. № 7. С. 160–172.
25. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840 гг. / пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004.
26. Роботи Т. Литература путешествий // Русская проза: сб. ст. Л., 1926. С. 42–73.
27. Кучеров А.Я. Сентиментальная повесть и литература путешествий // История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 101–120.
28. Ивашина Е.С. Жанр литературного путешествия в России конца XVIII – первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
29. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 525–607.
30. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2003. С. 359–361, 366–374.
31. Мельник Л.Г. Гетьман Богдан Хмельницький у вітчизняній історіографії. Київ: РВЦ Київський університет, 1997.
32. Горошко С.Л. Богдан Хмельницький. Дискусійні питання. Проблемні судження. Жашків: Видавець С.І. Горошко, 2008.
33. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.: Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб.: Общество памяти игумени Таисии, 2008.
34. Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М.: Центрполиграф, 2011.

**“WANDERINGS A WITH PEACEFUL SOUL UNDER THE NATIVE SKY”:
THE IMAGE OF UKRAINE IN RUSSIAN TRAVELOGUES OF THE EARLY 19TH
CENTURY (V.V. IZMAYLOV, P.I. SHALIKOV, A.I. LEVSHIN)**

Imagology and Comparative Studies, 2015, 2(4), pp. 20–42. DOI: 10.17223/24099554/4/2

Kiselev Vitaliy S., Vasilyeva Tatyana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru; tatiana_w_1988@mail.ru.

Keywords: Ukraine, Russian literature, travelogue, V.V. Izmaylov, P.I. Shalikov, A.I. Levshin.

The article is devoted to the cultural, historical and artistic dominants in the Russian reception of Ukraine in the early 19th century. The authors analyze travelogues by V.V. Izmaylov (*A Journey To The Midday Russia*, 1800–1802), P.I. Shalikov (*A Journey to Little Russia*, 1803) and A.I. Levshin (*Letters From Little Russia*, 1816).

These travelogues belonged to the tradition of sentimentalism with its cult of nature and feelings. However, the genre guidelines of the writers were significantly different. The final version of *Journey To The Midday Russia* by V.V. Izmaylov and *Letters From Little Russia* by A.I. Levshin belonged to the Enlightenment version of the sentimental journey and included several aspects: a description of the current state of Ukraine, its people and customs, an insight into the history, and reflections on the things observed and heard. The two *Journeys* by P.I. Shalikov were perfect models of the travel of experiences and impressions.

The ‘ethnographic’ component of the travelogues described the image of the ‘singing and dancing’ people. Imperial travelers substituted ethnography for ‘naturalness’: they wanted to show Ukrainians as a simpler and more natural variant of Russians. The idea was formed in the background of the landscape that was seen as aesthetically beautiful, loyal to people. Contemplating it, the narrator experienced tenderness and adoration. The sublime image of Ukraine was promoted through the specificity of the narrative with alternating descriptive and lyrical elements, including poetry. Another source of idealization was a set of stable plots and images of the sentimental journey.

Particularly precious for travelers were cultural sites and places associated with historical events of Ukrainian ancient or imperial past. Among the most important were the loci described in full details in the ancient chronicles, geographical locations associated with major historical events of the imperial period (primarily Poltava), and the centers where Christian shrines were accumulated (St. Sophia Cathedral, Kiev-Pechersk Lavra, Cathedral of the Assumption, and the like). All these determined three themes of the narrative respectively: ancient history – the centre of imperial glory – objects of religious pilgrimage.

The image of the Kievan Rus was very close to the historical and mythological image of heroic stories, ballads and poems of the turn of the 19th century. Kiev and Vladimir Svatoslavich were in the focus of historical reminiscences, unfolding on the background of wars with the nomads and foundation of cities and temples. In terms of the content, they fit the concept of the inevitable passage of time that eliminates countries and peoples, yet cannot cancel the gradual improvement of human life and progress that for Ukraine meant returning to the bosom of the Russian Empire.

In historical terms, it implied reducing the ‘dark times’ of Lithuanian and Polish rule that made Ukraine turn its back on the civilization and laying emphasis on the good role of Russia after the reunification. It is natural that Little Russian travelogues focus more on the imperial history, paying little attention to the 13th–16th centuries. The Russian influence was predominant in the imperial history of the region, too. Of local politicians the travelogues mentioned only Bohdan Khmelnytsky and Ivan Mazepa. On the peak of the imperial context were the acts of Russian emperors. Even P.I. Shalikov devoted the only historic episode of

his journey to Poltava. The Poltava field starts the travelogue by A.I. Levshin and ends the description of Little Russia in the work by V.V. Izmaylov.

References

1. Dolgorukii, I.M. (1869) Slavny bubny za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda, 1810 goda [Nice tambourines beyond the mountains, and my journey somewhere in 1810]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. Book 2. pp. 1–170.
2. Dolgorukii, I.M. (1870) Dnevnik puteshestviya v Kiev 1817 g. [Journal of the Tour to Kiev in 1817]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh*. Book 2. pp. 1–208.
3. Sumarokov, P.I. (1803) *Dosugi krymskogo sud'i, ili vtoroe puteshestvie v Tavridu* [The Leisure of a Crimean Judge, or Second Trip to Tauris]. St. Petersburg: Imperial Typography.
4. [Platon (Levshin, P.G.)] (1813) *Puteshestvie Vysokopreosvyashchenneyshego Platona, mitropolita Moskovskogo i raznykh ordenov kavalera, v Kiev i po drugim rossiyskim gorodam v 1804 g.* [Journey of Eminence Platon, Metropolitan of Moscow and Cavalier of Various Orders, to Kiev and Other Russian Cities in 1804]. St. Petersburg: Medical Typogrpahy.
5. Bantysh-Kamensky, D.N. (1810) *Puteshestvie v Moldaviyu, Valakhiyu i Serbiyu* [Journey to Moldavia, Wallachia and Serbia]. Moscow: A. Reshetnikov's Typography.
6. Glagolev, A.G. (1837) *Zapiski russkogo puteshestvennika A. Glagoleva s 1823 po 1827 god. Ch. 1. Rossiya. Avstriya* [The Notes of a Russian Traveler Glagolev in 1823–1827. Part 1. Russia. Austria]. St. Petersburg: Typography of Imperial Russian Academy.
7. Izmaylov, V.V. (1800–1802) *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu. V pis'makh, izdannyykh Vladimirom Izmaylovym: V 4 ch.* [A Journey To The Midday Russia. In Letters Published By Vladimir Izmaylov. In 4 parts]. Moscow: University Typography.
8. Solovyov, A.Yu. (2011) “*Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu*” V.V. Izmaylova v kontekste russkoy literatury puteshestviy kontsa XVIII – nachala XIX vekov [A Journey To The Midday Russia by V.V. Izmaylov in the context of Russian travelogues of the late 18th – early 19th centuries]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Shalikov, P.I. (1803) *Puteshestvie v Malorossiyu* [A Journey to Little Russia]. Moscow: University Typography.
10. Shalikov, P.I. (1804) *Drugoe puteshestvie v Malorossiyu* [Another Journey to Little Russia]. Moscow: University Typography.
11. Levshin, A.I. (1816) *Pis'ma iz Malorossii* [Letters from Little Russia]. Kharkov: University Typography.
12. Markova, O.P. (1958) O proiskhozhdenii tak nazyvaemogo grecheskogo proekta (80-e gody XVIII v.) [On the origin of the so-called Greek project (The 80s of the 18th century.)]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 52–78.
13. Zorin, A.N. (2004) *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the Two Headed Eagle . . . (Russian Literature and Official Ideology in the Late 18th – Early 19th Centuries)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 31–64.
14. Maiofis, M.L. (1997) Zapadnoevropeyskie istochniki “Kratkogo izyskaniya o giperboreanakh” V.V. Kapnist [West European sources of *The Short Survey of the Hyperboreans* by V. Kapnist]. In: *Russkaya filologiya – 8. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian Philology-8. The Collection of Papers by Young Philologists]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 59–66.
15. Maiofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo “Arzamas” I rossiyskiy modernizatsionnyy projekt 1815–1818 godov* [An Appeal to Europe: the Arzamas

Literary Circle and Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 384–390.

16. Shalikov, P.I. (1990) *Puteshestvie v Malorossiyu* [Journey to Little Russia]. In: Korovin, V.I. (ed.) *Landshaft moikh voobrazheniy: Stranitsy prozy russkogo sentimentalizma* [The Landscape of My Imagination: The Pages of Prose of Russian sentimentalism]. Moscow: Sovremennik. pp. 516–570.

17. Verstyuk, V.F., Gorobets, V.M. & Tolochko, O.P. (2004) *Ukraina i Rossiya v istorichnyi retrospektivi: Ukraïns'ki proekti v Rosiyskii imperii* [Ukraine and Russia in Historical Retrospective. Ukrainian Projects in the Russian Empire]. Київ: Naukova dumka.

18. Tolochko, A.P. (2012) *Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke* [Kievan Rus and Little Russia in the 19th Century]. Київ: Laurus.

19. *Moskovskiy Mercuriy*. (1803) 2. pp. 122.

20. Dementieva, A.S. (2006) *Literaturnaya pozitsiya zhurnala P.I. Makarova "Moskovskiy Mercuriy"* (1803) [The literary position of P.I. Makarov's *Moscow Mercury Journal* (1803)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

21. Zhukovsky, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works. In 20 vols.]. Vol. 12. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 9–12.

22. Solovyov, A.Yu. (2011) *"Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu" V.V. Izmaylova v kontekste russkoy literatury puteshestviy kontsa XVIII – nachala XIX vekov* [A Journey To The Middy Russia by V.V. Izmaylov in the context of Russian travelogues of the late 18th – early 19th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

23. Miller, A.I. (2000) *Ukraïnskiy vopros v politike vlastey i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka)* [The Ukrainian Issue in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (the second half of the 19th century)]. Moscow: Aleteyya.

24. Nazarenko, M.I. (2009) *Sokrashchennyy ray. Ukraina mezhdz Gogolem i Shevchenko* [The reduced paradise. Ukraine between Gogol and Shevchenko]. *Novyy mir*. 7. pp. 160–172.

25. Shanley, A. (2004) *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy 1790–1840 gg.* [Authenticity and Fiction in the Author's Self-Consciousness of Russian Travelogues in 1790–1840]. Translated from English by D. Solovyova. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

26. Roboli, T. (1926) *Literatura puteshestviy* [Travelogues]. In: Tynyanov, Yu. & Eichenbaum, B. (eds) *Russkaya proza* [The Russian Prose]. Leningrad: Academia. pp. 42–73.

27. Kucherov, A.Ya. (1941) *Sentimental'naya povest' i literatura puteshestviy* [The sentimental novel and travel literature]. In: *Istoriya russkoy literatury: V 10 t.* [The History of Russian literature. In 10 vols.]. Vol. 5. Moscow, Leningrad: USSR AS. pp. 101–120.

28. Ivashina, E.S. (1980) *Zhanr literaturnogo puteshestviya v Rossii kontsa XVIII – pervoy treti XIX veka* [The genre of literary travel in Russia in the late 18th – early 19th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

29. Lotman, Yu.M. & Uspensky, B.A. (1987) *"Pis'ma russkogo puteshestvennika" Karamzina i ikh mesto v razvitií russkoy kul'tury* [Letters of a Russian Traveler by Karamzin and their place in the development of Russian culture]. In: Karamzin, N.M. (1987) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka. pp. 525–607.

30. Lebedeva, O.B. (2003) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [The History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 359–361, 366–374.

31. Melnik, L.G. (1997) *Get'man Bogdan Khmel'nits'kiy u vitchiznyaniy istoriografii* [Hetman Bohdan Hmel'nitsky in Ukrainian Historiography]. Київ: RVTs Kiïvs'kiy universitet.

32. Goroshko, S.L. (2008) *Bogdan Khmel'nits'kiy. Diskusiyini pitannya. Problemni sudzhennya* [Bogdan Khmel'nitsky. Discussion questions. Problem judgments]. Zhashkiv: Vidavets' S.I. Goroshko.

33. Artamonov, V.A., Kochegarov, K.A. & Kurukin, I.V. (2008) *Vtorzhenie shvedskoy armii na Getmanshchinu v 1708 g.: Obrazy i tragediya getmana Mazepy* [The Invasion of the Swedish Army in the Cossack Hetmanate in 1708. The Images and the Tragedy of Mazepa]. St. Petersburg: The Society in Memoriam of Abbess Taisia.

34. Tairova-Yakovleva, T.G. (2011) *Ivan Mazepa i Rossiyskaya imperiya: istoriya "predatel'stva"* [Ivan Mazepa and the Russian Empire: The Story of 'Treason']. Moscow: Tsentrpoligraf.